

Питер
ЛАВСИ

Питер
ЛАВСИ

РАБОТА
НАД ОШИБКАМИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л13

Серия «Золотой век продолжается»

Peter Lovesey

THE SUMMONS

Перевод с английского А. Загорского

Серийное оформление В. Половцева

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Vanessa Holt Ltd.

Лавси, Питер.

Л13 Работа над ошибками : [роман] / Питер Лавси ; [пер. с англ. А. Загорского]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (Золотой век продолжается).

ISBN 978-5-17-098003-1

Самое необычное дело суперинтенданта Питера Даймонда.

Полиция Бата поднята по тревоге — из тюрьмы сбежал Джон Маунтджой, приговоренный к пожизненному заключению за убийство шведской журналистки. Более того, он ухитрился вернуться в Бат и взять в заложницы дочь местного крупного полицейского чиновника. Единственное требование Маунтджоя — повторное расследование его дела. Он утверждает, что убийства не совершал...

Неужели Даймонд, который вел дело, совершил ошибку? Неужели из-за него пострадал невинный? Шаг за шагом детектив пытается понять, что же упустил много лет назад...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098003-1

© Peter Lovesey, 1995
© Перевод. А. Загорский, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ГЛАВА 1

Говорят, когда одна дверь закрывается, где-то открывается другая. В тюрьме Олбани наоборот: если одна дверь открывается, то другая захлопывается. И это — серьезная проблема. Когда осужденному сообщают, что он проведет в камере всю оставшуюся жизнь, и к тому же раз за разом отказывают в праве на апелляцию, он начинает всерьез размышлять о том, как сократить свой срок каким-то иным способом. Джон Маунтджой был отнесен к преступникам категории А, то есть особо опасным для общества, полиции и государства. И он всерьез обдумывал возможности побега.

В тюрьмах двери действуют по одному и тому же давно известному принципу. Ты проходишь через одну и обнаруживаешь, что тебе преграждает путь другая. Прежде чем она откроется, предыдущая обязательно должна затвориться. Так же функционировали двойные ворота замков тысячу лет назад. Разница лишь в том, что в эру электроники это происходит автоматически.

Надзиратели объясняют новым заключенным, что с точки зрения возможностей для побега тюрьма Олбани не просто пенитенциарное заведение максимального уровня безопасности. Ее уровень безопасности, поясняют охранники, сверхпределный. Все ворота и двери управляются с помощью компьютера, а помещения снабжены камерами наблюдения. Стоит кому-либо по-

дойти к любой двери — и это сразу же видно на одном из экранов, находящихся в дежурной комнате. Она — пункт управления, можно сказать, центр всего тюремного комплекса. Помимо компьютера и мониторов в ней находятся система радиосвязи, электрогенератор и, разумеется, группа надзирателей, несущих службу посменно. Неиссякаемой темой для шуток заключенных является факт, что меры безопасности, которыми окружают себя обитатели дежурной комнаты, превосходят все мыслимые пределы. Стальные двери, дополнительный заслон из металлической сетки, прожекторы, бегающие по прилегающей зоне сторожевые собаки — в общем, любая попытка несанкционированного проникновения в дежурную комнату должна была спровоцировать сцены в духе последних кинолент из саги о Джеймсе Бонде.

Маунтджой содержался в блоке D, где сидели остальные заключенные, получившие пожизненный срок. Когда их конвоировали из камер в мастерские, узники проходили через систему управляемых компьютером двойных дверей, действующих по принципу шлюза, после чего попадали в центральный коридор. Там они оказывались под надзором выстроившихся цепью охранников, внимательно следивших за каждым их движением.

Двери, ведущие в блок D, стеклянные. По этому поводу можно смеяться сколько угодно, но у заключенных данный факт улыбки не вызывал. Стекло сверхпрочное, пуленепробиваемое, да еще и забрано стальной сеткой, напоминающей кольчугу. Открыть двери блока D можно только одним способом — прикосновением к соответствующему тумблеру в дежурной комнате. Они также шлюзовые. Интервал между закрытием одного их уровня и открытием другого составляет семь секунд. В течение этих долгих семи секунд тот, кто хочет войти в блок D или выйти из него, находится в герметично закрытом пространстве, под пристальными взглядами надзирателей. Если что-нибудь кажется им подозрительным,

пробывание в шлюзовой зоне может быть продлено на любое время.

Джону Маунтджою потребовалась неделя наблюдений за работой дверей и процедурой входа и выхода людей из блока D, чтобы прийти к выводу: перехитрить электронную систему нельзя. Обмануть можно человека, но не микрочип. Помимо прочего, программу настроили таким образом, что в случае отключения электроснабжения двери блокировались.

Однако иных вариантов побега, кроме проникновения сквозь двери блока D, похоже, не существовало. Окна были снабжены стальными решетками, все стены здания имели не менее полуметра в толщину. Подкоп тоже исключался: в соответствии с негласным правилом тех, кто отбывал пожизненный срок, держали в камерах, под которыми, над ними и по обеим сторонам от них находились помещения с другими заключенными. Камеры наблюдения были установлены практически везде. Если бы даже Маунтджою удалось пробраться за пределы главного здания тюрьмы, ему еще пришлось бы преодолеть внешний охранный контур. А там — рыскающие по всей территории сторожевые псы, пятиметровой высоты ограждения из металлической сетки, прожекторы и массивная, высоченная внешняя стена с бритвенно острым верхним краем. Тюрьму Олбани выстроили взамен Дартмурской. Ее называют британским Алькатрасом, потому что она расположена на острове Уайт. Поэтому, даже перебравшись через внешнюю стену, заключенный, решившийся на побег, не мог бы почувствовать себя на свободе — ему пришлось бы преодолевать еще и водную преграду.

Первый шаг к побегу, который совершил Маунтджой, не был запланированным. В коридоре, рядом с люком, куда заключенные выбрасывали мусор, он нашел форменную серебряную пуговицу с гербом в виде короны — ее потерял кто-то из охранников. Находясь в тюрьме, человек никогда не знает заранее, каким образом ему

пригодится та или иная вещь. Маунтджой сохранил пуговицу и прятал ее в своей камере восемнадцать месяцев. Вскоре у него появилась еще одна.

Джону удалось раздобыть ее, когда летом тюремщики, заломив ему руки за спину, стали запихивать его в карцер. Это была особая камера, туда в качестве наказания на время помещали наиболее буйных заключенных или злостных нарушителей внутреннего распорядка. Маунтджой затеял драку с охранниками после того, как один из них отобрал у него письмо, полученное от матери. Разумеется, Джону это не понравилось. Он сцепился с охраной и в результате был избит в кровь, раздет догола и брошен в карцер. Однако после драки ему все же достался трофей — еще одна сияющая серебряная пуговица с гербом, оторванная с кителя из темно-синего сержа у кого-то из его мучителей. Когда Джон наконец вернулся в свою камеру, пуговица присоединилась в своей сестре-близняшке, спрятанной в тайнике под корешком словаря.

Тюремщики терпеть не могут, когда их изображают тупыми лентяями, по небрежности нарушающими установленные правила. Им хорошо известно, что малейший их промах, о котором становится известно проверяющим или, не дай бог, прессе, моментально раздувается. А подобного они боятся не менее, чем тех, кого охраняют. Принято считать, будто надзиратели доносят друг на друга чаще, чем заключенные. Тюремщик, потерявший пуговицу, скорее предпочтет промолчать об этом и попросить жену пришить ему новую, чем устраивать обыск в камерах. Тюремные обычаи и традиции не всегда работают на пользу системе.

Именно с пуговиц начался путь Маунтджоя на свободу. Он стал собирать коллекцию из металлических серебряных кружочков с вытисненной на них короной. Месяца через два, работая в портняжной мастерской, познакомился с новым заключенным, восемнадцатилетним парнем, переведенным в Олбани из Паркгерста. Молодому человеку

очень хотелось курить. Маунджой заключил с ним сделку. В тюрьме все может быть предметом обмена. Джон намекнул парню, что за пуговицу с нагрудного кармана формы охранника он может получить немного табаку. Также объяснил, что, если молодой человек затеет драку с охранниками, на первый раз они не станут избивать его всерьез. Через месяц Джон получил нужную ему пуговицу, а его новый знакомый — пять самокруток и одну спичку. При этом Маунтджой пригрозил молодому человеку, что, если он расскажет о совершенной сделке охранникам или тюремному начальству, его кастрируют.

После того как все это случилось, прошло довольно много времени. И вот однажды летом Маунтджою выпал еще один шанс. После очередной стычки с охранниками его снова наказали — перевели в изолятор, который называли также блок «Игрек». Там заключенным во время прогулок не позволяли делать зарядку и вообще какие-либо физические упражнения — или же если и позволяли, то исключительно в полном одиночестве и под пристальным наблюдением охраны. Часть внутреннего двора в блоке была разделена на отдельные небольшие секции при помощи перегородок из сверхпрочного прозрачного пластика. Охранник, наблюдавший за Маунтджоем, едва успел расположиться на пластмассовом стуле, повесив фирменный китель на его спинку, как вдруг его внимание привлек какой-то непорядок неподалеку. На несколько секунд Джон остался без надзора тюремщика и, пока за ним следила только камера, успел раздобыть недостающие пуговицы для необходимого ему полного комплекта. За три года пребывания в тюрьме Олбани он успел научиться избегать объективов видеокамер.

Среди заключенных были весьма популярны рассказы об удачных побегах, ставших легендарными. Отбывающие срок, в частности, до сих пор с благоговением передают из уст в уста историю о том, как в 1966 году осужденный за шпионаж Джордж Блейк умудрился сбежать из лондонской тюрьмы Уормвуд-скрабз. Не мень-

ший восторг вызывает у обитателей тюрем случай, когда в 1987 году двое узников тюрьмы в Гартри захватили вертолет и, забравшись на борт, скрылись. Побег Джона Маквикара из Дэрхэма даже лег в основу сюжета кинофильма. Джон Маунтджой также собирался завоевать себе место в этом своеобразном зале славы. Но не надеялся на слепой случай, на невероятное везение, которое так или иначе присутствовало во всех историях об удачных побегах. Ничего подобного у него и в мыслях не было. В своих планах Джон опирался на трезвый расчет, словно игрок в покер в партии, которая могла продолжаться всю его жизнь.

Что бы сделали вы, если бы у вас имелся полный комплект пуговиц от кителя охранника? Маунтджой с самого начала отверг самый очевидный вариант. Он не стал предпринимать попыток сшить себе форму тюремщика и, облачившись в нее, каким-то образом выбраться на волю. Это было связано со слишком большим риском. Интеллектом охранники, конечно, не блистали, но были вполне способны различать друг друга и, помимо прочего, наверняка заметили бы неизбежные дефекты и несоответствия в форме, изготовленной кустарным способом.

Джон увлекся искусством. Это давало ему возможность пользоваться карандашами и бумагой, рисуя абстрактные картины. В большинстве своем на них были изображены различные геометрические фигуры, которые Маунтджой аккуратно заштриховывал. Выглядело все это заурядно. Тем не менее его куратор однажды заметил, что по стилю Джон больше тяготеет к Мондриану, нежели к Пикассо. В его рисунках преобладали квадраты — белые и черные, одинакового, не слишком большого размера. Куратор даже предположил, что его подопечный скорее пытается изобразить миниатюрную шахматную доску, нежели создать абстрактную картину. Эти слова стали для него и Маунтджоя чем-то вроде дежурной шутки.

Впрочем, Маунтджой использовал не только карандаш и бумагу, но и другие материалы, применяемые в искусстве. Втайне от тюремщиков экспериментировал с красками для живописи. При этом его целью являлось создание радикально черного красителя для тканей. Это было весьма непростое дело. Раз за разом белая ткань получалась у него не черной, а серой — правда, с каждой попыткой все более темного оттенка. Но Джон был терпелив. В конце концов, он располагал практически неограниченным временем, да и белой ткани у него имелось более чем достаточно: в металлических ячейках забора, возвышающегося вокруг внутреннего двора тюрьмы, частенько застревали тряпки, которые заключенные при уборке выбрасывали из камер. На следующий день их собирали, однако одну-две всегда можно было незаметно сунуть под тюремную одежду, чтобы затем припрятать в камере. Вскоре Джону удалось добиться нужного цвета. Только после этого он решился на окраску двух футболок, какие шили здесь же, в тюремном цеху. Затем, используя иглы из швейной мастерской и отточенную до бритвенной остроты ручку зубной щетки, Джон втайне от всех принялся кроить и шить вещь, которая должна была стать имитацией кителя. Но не тюремного охранника, а полицейского констебля.

Джон справедливо рассудил, что у черного цвета есть по меньшей мере два преимущества. Во-первых, превратить с помощью красок для живописи белую ткань в черную намного легче, чем в темно-синюю, тем более того же оттенка, что и форма охранников. А во-вторых, на черном фоне швы менее заметны, чем на синем. Этот эффект еще больше усиливался благодаря блестящим пуговицам, притягивавшим к себе взгляд.

Странно, но изготовить кустарным способом полицейскую фуражку, согласно расчетам Маунтджоя, было значительно легче, чем китель, но ее гораздо труднее было бы спрятать в камере. И Джон решил заняться фуражкой в последнюю очередь, заранее подготовив все не-

обходимые для нее материалы. Полоски раскрашенной шахматным узором бумаги должны были превратиться в околыш, выкрашенная в черный цвет ткань, натянутая на диск из плотного картона, в тулью. Козырек Джон собирался вырезать из блестящей черной крышки коробки из-под писчей бумаги, которую ему удалось выудить из мусорной корзины помощника начальника тюрьмы.

Оставалось решить вопрос с кокардой и погонами. В качестве материала для их изготовления Маунтджой использовал фольгу, предназначенную для хранения продуктов в холодильнике. Ему удалось украсть несколько кусков из мусоросборника в кухне. Кокарда вышла на славу — стала настоящим шедевром. Это была копия кокарды полицейских подразделений графства Гэмпшир, вырезанная из фольги и наклеенная на каркас из почтовой бумаги.

По сравнению со всем этим раздобыть подходящую рубашку и галстук оказалось проще простого.

Разумеется, все, что Джон подготовил для побега, следовало надежно спрятать. Обыски в камерах обычно происходили во время вечерней проверки. Маунтджой предпочитал по возможности держать все, что могло вызвать подозрения, при себе, надетым под тюремную одежду. Впрочем, заключенным все же разрешалось иметь кое-какие предметы домашнего обихода. Например, охранники не докладывали начальству, если обнаруживали у кого-нибудь из обитателей тюрьмы несколько кусков ткани или иголку с ниткой — они искали главным образом наркотики.

Закончив необходимые приготовления, Маунтджой не торопился с реализацией своего замысла. Понимал, что должен проявить терпение. Момент для побега должны были определить внешние факторы. В течение восьми месяцев ожидания не произошло ничего такого, что подтолкнуло бы его к действию. Всего же Джон к этому моменту провел в тюрьме Олбани уже три года и восемь месяцев. А затем в блоке D появился но-

вый заключенный, Мэнни Стоукси. Срок он получил за убийство. В этом не было ничего необычного. Однако в истории Стоукси все же имелось нечто, что не могло не произвести впечатления на других обитателей камер и на охрану. Мэнни отправил человека на тот свет, перебив ему позвоночник ребром ладони. Будучи бодибилдером, Стоукси имел весьма внушительную внешность. Рост метр девяносто сантиметров, а вес — более ста килограммов. И к тому же он обладал злобным нравом.

Через месяц после появления Стоукси в тюрьме Маунтджой решил, что его время пришло. Ему и раньше приходилось видеть среди заключенных крупных и опасных мужчин. Он неоднократно становился свидетелем стычек с охранниками, которые, разумеется, делали все, чтобы сломить их дух, и при этом не стеснялись в средствах. Было ясно, что Стоукси не сдастся без борьбы, и дело закончится кровью, если не смертью. Между тем для реализации плана Джону было просто необходимо, чтобы в блоке D возникли суеда и беспорядок. Шансы на то, что это вот-вот произойдет, росли с каждым днем. Маунтджой закончил шить черные брюки и собрал из заранее подготовленных элементов полицейскую фуражку. Тем самым он в каком-то смысле сжег за собой мосты: теперь обыск в камере и обнаружение там сшитой вручную полицейской формы, да еще с фуражкой, сделали бы его намерение очевидным.

Однако Джон верил в свой успех. С появлением нового заключенного атмосфера в блоке D стала гораздо более напряженной. В тюрьме не существует дружбы — отношения там строятся исключительно на страхе. Некоторые из старожилов решили, будто Стоукси слишком опасен, чтобы с ним конфликтовать, и дали остальным понять, что поддерживают его. Другие принялись интриговать, пытаясь выгадать для себя какие-то преимущества. В результате в уже сложившейся в стане заключенных внутренней иерархии возникли опасные

трещины, и все ее здание зашаталось, угрожая рассыпаться.

Маунтджой был одиночкой и всегда противился попыткам втянуть его в одну из существовавших в тюрьме группировок заключенных. Старался ни с кем не конфликтовать, выполнять свои обязанности и правила внутреннего распорядка и по возможности не привлекать к себе ничьего внимания — разумеется, за исключением экстремальных ситуаций.

За несколько дней в тюрьме вспыхнули несколько небольших конфликтов между заключенными. Затем, как и следовало ожидать, полыхнуло уже всерьез. Три раза в день туалеты в тюрьме Олбани работали с повышенной нагрузкой. В последний раз это происходило в половине девятого вечера, незадолго до отбоя. Маунтджой так и не узнал, из-за чего все началось, потому что уже успел побывать в туалетной комнате, умыться и вернуться в свою камеру. Однако, судя по крикам, Стоукси ударил заключенного по фамилии Харраген. Произошло это в помещении санузла, среди унитазов, раковин и урн. В физическом отношении Харраген, уроженец Карибских островов, заметно уступал Стоукси. Тем не менее был весьма крепким мужчиной с неуступчивым характером, к тому же бывшим боксером, и имел репутацию человека, склонного к физическому насилию. Кроме того, неподалеку оказались двое его приятелей, поспешивших ему на помощь. Одного из них Стоукси ударил головой о раковину с такой силой, что расколол бедолаге череп. Даже находясь в камере, Маунтджой своими ушами слышал отвратительный хруст. Затем раздался яростный выкрик Харрагена: «Ты его замочил, ублюдок!»

Маунтджой шагнул в проход, чтобы видеть происходящее в санблоке. Кто-то пинком опрокинул урну, затем еще одну, и они с грохотом покатались по полу. Двоих охранников, которые должны были разнять дерущихся, заблокировали у дверей приятели Харрагена. С десятка заключенных выскочили из камер — они не хотели,

чтобы их потом обвинили в нежелании прийти на помощь членам своей группировки.

Пора, сказал себе Маунтджой. Его время пришло.

Взревела сирена, и ее звук заглушил все остальные. К месту свалки продолжали прибывать все новые заключенные, но им мешали вступить в драку катающиеся по полу у дверей санблока урны. Их было уже с десятков, и они почти полностью загромодили вход. Непосредственные участники схватки, судя по всему, не хотели, чтобы им мешали. Маунтджой знал, что большинство узников предпочтет объединить силы и не допустить к месту битвы охранников. А значит, происшествие грозило перерасти в настоящий бунт — что Джону и требовалось.

Времени у Маунтджоя было немного. Вот-вот должна была появиться толпа разъяренных надзирателей. Сначала они набросятся на тех, кто столпился у входа в санблок. В таких случаях при необходимости тюремное начальство вызывало подкрепление из Паркгерста — тюрьмы, расположенной неподалеку.

Джон вернулся в камеру, достал из нескольких тайников предметы изготовленной им полицейской формы и сложил их в таз для умывания, который выдавался каждому заключенному. Затем переступил порог и закрыл за собой дверь. Теперь обратного пути у него не было. Но не успел он сделать и нескольких шагов по проходу, как его увидел находившийся в этот момент неподалеку охранник — он явно спешил в санблок.

— Эй, ты куда это собрался? — возмущенно крикнул он, обращаясь к Джону.

— Обратно в камеру, — невозмутимо ответил Маунтджой, мысленно благодаря бога за то, что надзиратель был не из блока D и не знал его заключенных в лицо.

— Так вали внутрь, и побыстрее! — рявкнул охранник и побежал дальше.

— Да, сэр.

Разумеется, Маунтджой и не подумал выполнить приказ. Он зашагал дальше по проходу, удаляясь от по-